

Только тогда жизнь вернулась в его глаза, которые до сих пор были потемневшими и безжизненными. Император отряхнул одежду, покрытую засохшей грязью с того места, где он сидел на земле, и повернулся к Оливеру, стоявшему рядом с ним.

"В таком случае мне нужно сначала привести себя в порядок. Капитан Оливер, не мог бы ты оказать мне помощь?"

"Прежде, пожалуйста, передайте мне Великую Герцогиню Блейн. Я прослежу, чтобы ее проводили к карете".

"Нет, я понесу эту особу".

Покачивая головой в ответ, Император поднялся на ноги, все еще обнимая за талию бессознательную Великую Герцогиню, и его поддержали Оливер и Сет, которые поспешили к нему. Затем, нежно обняв Великую Герцогиню Блейн, он повернулся к Сету и Мин-ха и открыл рот.

"В следующий раз, когда ты приедешь в Императорский дворец, возьми Герцогиню с собой, Герцог Персен".

"Да, Ваше Величество".

"Ну что ж, тогда я удаляюсь".

"Я провожу вас во дворец".

"Нет. Имперских рыцарей и паладинов достаточно, чтобы защитить меня, так что тебе следует поскорее вернуться в свое поместье. Твой младший брат, должно быть, уже с нетерпением ждет тебя, не так ли?"

"...."

"Его Величество возвращается во дворец! Всем членам императорских рыцарей и паладинов собраться!"

С этими словами император немедленно сел в карету вместе с Великой Герцогиней Блейн.

В то же время Оливер собрал разрозненных рыцарей. Рыцари быстро подготовили карету, в которой ехал Руперт, и карету Императора. Затем рыцари сели на приготовленных лошадей и начали сопровождать обе кареты, скача по дороге одна за другой.

"Ну что ж. До новых встреч, Ваше Превосходительство Герцог и Герцогиня".

"Да".

"До новых встреч, сэра Галлахед".

После того как Галлахед, остававшийся до конца, попрощался с Сетом и Мин-ха, они быстро отделились друг от друга.

Словно сомневаясь в том, что что-то произошло всего мгновение назад, на широкой дороге остались только люди из поместья Персен, включая Мин-ха и Сета. Персенские рыцари, которые еще минуту назад помогали имперской гвардии и паладинам, теперь готовились к возвращению на свою территорию.

Среди суеты Ланселот осторожно подошел к тем двоим, которые все еще стояли лицом к тому направлению, откуда отъехала императорская карета.

"Ваше Превосходительство и Герцогиня, прошу вас сесть в карету".

"Подождите минутку, мне нужно кое-что сказать ей".

"Понял".

Сказав это, Сет повернулся к Мин-ха, у которой все еще было сложное выражение лица, и спросил.

"Если тебе хоть немного не по себе, пожалуйста, скажи мне. Я отправлю письмо Его Величеству".

"...Нет, это не так. Просто... я чувствую себя немного странно, вот и все".

Когда он слегка опустил голову, чтобы встретить ее взгляд, она слабо улыбнулась и ответила.

"Я думала, что после того, как все закончится, я буду чувствовать себя легкой и счастливой, как будто с меня сняли бремя, но это не совсем так... Это странно. Я так рада, что очистила свое имя и вернулась рядом с тобой, и хорошо, что те люди получили свое возмездие... но я не знаю, как-то пусто, и в каком-то уголке моего сердца беспокойно".

"...."

"Хаха... Неужели я глупец? Если бы я знал, что все будет именно так, мне не следовало бы

просто держать свое сердце в покое и слушать все, о чем бы ни просил Его Величество... И все же я задаюсь вопросом, какой смысл снова топтать тех, кто уже был разрушен... Мое сердце так запуталось, ходит туда-сюда, не чувствуя себя своим... Это сбивает с толку".

Сет посмотрел на Мин-ха, которая неловко улыбалась и что-то бормотала, ласковым взглядом, после чего заключил ее в крепкие объятия.

Ему стало интересно, становятся ли сердца тех, кто любит друг друга, похожими.

С одной стороны, видеть, что она испытывает эмоции, схожие с теми, что испытывал он, - значит, испытывать счастье. Однако, в отличие от себя, который испытывал лишь жалость к Императору, он был обеспокоен тем, что женщина перед ним не может до конца возненавидеть тех, кто ее мучил, и его сердце не было таким непреклонным, как ему хотелось бы.

Нежно поглаживая ее по спине, словно утешая, он в конце концов открыл рот.

"Я понимаю. Я чувствовал то же самое".

"...Сет".

"Но тебе не нужно чувствовать жалость или вину перед Рупертом, Великой Герцогиней Блейн или Его Величеством. В конце концов, ты - самая большая жертва в этом деле. Наоборот, как сказал Его Величество, это они должны извиняться".

"...."

"Так что просто отбрось эти чувства. Хоть ты мне и нравишься своей добротой, мне не нравится, когда у тебя такое выражение лица из-за этих эмоций."

"...Да."

Увидев, что Мин-ха согласно кивнула головой, он слегка улыбнулся. Он прекрасно понимал, что, сколько бы он ни говорил, она не сможет в один миг избавиться от этих чувств.

'... Я волнуюсь'.

Он задавался вопросом, как он мог даже подумать о том, чтобы жить одному после развода, и чувствовал, что не был таким решительным, как думал. Сет усмехнулся про себя, втайне размышляя на тему "А что, если бы они действительно развелись и разошлись".

Что ж, думаю, об этом больше не стоит беспокоиться.

Это было верно. Быть сильным, стойким и неумолимым - вот что он мог сделать вместо нее. В конце концов, разве брак не для того, чтобы провести всю жизнь вместе, восполняя недостатки друг друга?

С этой мыслью он опустил голову и нежно поцеловал ее в щеку.

"А теперь давайте сядем в карету. Рыцари уже давно ждут тебя".

"Правда? Да! Пошли, пошли!"

Он протянул руку Мин-ха, та кивнула с широко раскрытыми глазами, а затем, как будто это было естественно, взяла его протянутую руку. Сет сжал ее руку, сцепив пальцы, словно идеальные кусочки пазла, и они вместе пошли к карете.

° □: * □ * :□ °

После короткой весны поля поместья Персен встретили наступившее лето благоухающим морем пурпура.

Лаванда, распутившая нежные листья под теплыми лучами весеннего солнца, расцвела под летним зноем, наполнив солнечный свет яркими пурпурными цветами.

В империи лаванда, используемая как пряность, чай и лекарственное растение, издавна была одним из основных летних экспортных товаров поместья Персен. Поэтому, когда наступало лето, это было самое напряженное время для тех, кто собирал лаванду по всему поместью, окрашивая ее в пурпурный цвет, а также для тех, кто изготавливал из лаванды различные товары.

Поэтому в это время года шумное поместье Персен, и без того занятое сбором лаванды и изготовлением изделий на ее основе, теперь было дополнительно занято подготовкой к фестивалю.

Люди, которые с корзинами на руках ходили по полям и собирали лаванду, украшали окна и стены своих домов красивыми тканями, а те, кто производил специальные лавандовые продукты - лекарственные травы, чай и специи, - готовили вкусную еду и надевали новые красивые одежды.

Причина, по которой они отложили обычную работу и занялись подготовкой к празднику, заключалась в том, что жена Герцога Персена, Герцогиня Минасе Персен, очистила свое имя и была освобождена от несправедливых обвинений.

В честь этого события Герцог Персен значительно снизил налоги, которыми облагались жители владений.

Те, кто был освобожден от налогового бремени, приветствовали и праздновали возвращение Герцогини, которая очистила свое имя, как способ выразить свою благодарность. И все же, несмотря на то что снижение налогового бремени было облегчением, чувствовалось и желание передохнуть, но, тем не менее, они были рады такому благоприятному повороту событий.

Тем временем в особняке Персен тоже царил атмосфера праздника.

В особняке, который был одновременно началом и концом всех этих событий, естественно, кипела работа по подготовке к банкету.

В то время как слуги украшали особняк и готовили еду, из восточной пристройки особняка послышался неожиданный крик.

"Вейн! Не там! Еще немного правее!"

"...Я понимаю".

Это был не столько крик, сколько односторонняя ругань.

Шумел Ной Персен, младший брат Герцога Персена, сэра Агравейна, с тупой и злобной внешностью и темно-седыми волосами.

Агравейн, который был выше обычных мужчин как минимум на голову, имел крепкое телосложение и грозный вид, в данный момент нес на себе Ноя, который скакал на нем как на лошади, пока ребенок размышлял о том, "как красиво развесить сделанные им бумажные украшения".

Удобно устроившись на плечах Агравейна, юный лорд Ной протянул свои короткие руки, чтобы повесить бумажное украшение, которое он сделал перед окном своей комнаты в коридоре. Он был уверен, что оно будет хорошо смотреться, но когда он действительно взял его в руки, оказалось, что оно совсем не подходит.

[T/N: Я уже собирался это сказать, но Сет действительно заставляет всех своих устрашающе выглядящих рыцарей работать няньками LOL]

Ной надул губы и погладил Агравейна по голове своими маленькими ручками.

"Вейн! Чуть ниже!"

"...."

"Унг?! Ниже!"

"...Я понимаю."

Агравейн, ненадолго замолчавший при его словах, вскоре наклонился, как велел ребенок, не проронив ни слова.

Затем, широко улыбаясь, Ной, который, казалось, был доволен тем, как он повесил украшение, в восторге хлопнул в ладоши, а затем опустил голову и обратился к Агравейну.

"Отлично! Теперь давайте повесим здесь еще пять!"

"...Да. Я понимаю".

В будущем придется делать это еще пять раз...

Возможно, будь на его месте Гавин, он бы уже давно сбежал, но Агравейн снова молча кивнул головой.

Среди слуг, которые громко смеялись, наблюдая за ними, был человек, стоявший с костылем в одной руке и тростью в другой. Он подошел к Ною, который с волнением собирал украшения, и Агравейну, протягивавшему ребенку коробку, которую он держал в руке.

"Юный мастер Ной, даже если сэр Агравейн из тех, кто не умеет отказывать, вам не стоит быть столь настойчивым".

"О, Беди!"

Как только Ной увидел улыбающегося Бедивизеля, он громко позвал его по имени и затряс ногами. Похоже, поняв, что ребенок хочет, чтобы его опустили на землю, Агравейн бесшумно снял Ноя, сидевшего у него на плече, и осторожно поставил его на землю.

Ной тут же подошел к Бедивилу и обнял его за костыльную ногу, говоря при этом.

"Беди, тебе все еще больно? Хочешь, чтобы я тебе помог?"

"Хаха, все в порядке".

"Правда?"

"...Уф. Да, конечно".

Когда Ной крепче ухватился за его ногу, наклонив голову, выражение лица Бедивиэля на мгновение исказилось.

Наблюдая за этим, Агравейн подошел к Ною с ничего не выражающим лицом и, осторожно потянув за одежду ребенка, приоткрыл губы.

"...Если ты так крепко обнимешь его ногу, сэру Бедивиэлю будет больно".

"Боль? Беди будет больно из-за Ноя?"

"Да. Ему будет больно".

"...Кук".

Во время последующего разговора между Ноем и Агравейном, Бедивиэль, сам того не осознавая, разразился хохотом.

Возможно, потому, что Агравейн, обладавший самым мускулистым телосложением среди рыцарей Персена и свирепым характером, был невыносимо смешон в империи, когда он произносил "ай", ведь он мог по пальцам одной руки пересчитать, сколько раз он произносил это слово.

Хотя его смех заставил суровое выражение лица Агравейна сморщиться, Бедивиэль не стал извиняться перед ним, прекрасно понимая, что это было сделано не от гнева, а от смущения. Вместо этого он затронул другую тему, чтобы Агравейн не чувствовал себя еще более неловко.

<http://tl.rulate.ru/book/43662/3585935>